

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Сокращения	14
Введение	15
1991 год и сдвиг парадигмы	16
Империя, нация и формирование Советского Союза	19
Этнографическое знание	27
Этнографическое знание и культурные технологии управления	31
Меняющийся европейский фон	36
Структура книги	37
О датах	40
От переводчика	41

Часть I. Империя, нация и научное государство

Глава 1. На пути к революционному альянсу	44
Национальный вопрос и большевики	49
Этнографическое знание и Императорское Русское географическое общество	57
Язык национальности	64
Первая мировая война и мобилизация науки	76
Первая мировая война и большевистская идеология 1917	84
Глава 2. Принцип национальности versus экономическая целесообразность	98
Принцип национальности	103
Дискуссия о районировании	109
Комиссия Калинина	120
Наркомнац, Центральное этнографическое бюро и поддерживаемое государством развитие	125
Госплан, Госколонит и советская колонизация	130
Дискуссия о районировании и этнографы КИПС	138
Компромисс	141

Часть II. Культурные технологии управления и природа советской власти

Глава 3. Перепись 1926 года и концептуальное завоевание земель и народов	150
<i>Национальность в новом советском контексте</i>	155
<i>Подкомиссия КИПС по переписи</i>	159
<i>Определение условий переписи</i>	167
<i>Классификация на практике</i>	179
<i>Пересмотр списка народностей</i>	187
<i>К списку «главных народностей»</i>	192
<i>Политическая власть, научное знание и судьба КИПС</i>	197
Глава 4. Межевание границ и формирование советских национальных идентичностей	205
<i>От принципов к парадигмам</i>	209
<i>Случай Белоруссии</i>	211
<i>Случай Украины</i>	218
<i>Размежевание в Средней Азии</i>	224
<i>Национальные идентичности и двойная ассимиляция в Средней Азии</i>	230
<i>Внутреннее районирование и проблема национальных меньшинств</i>	242
<i>Этнографическое знание и создание Таджикистана</i>	245
Глава 5. Этнографические выставки и трансформация «народов СССР»	260
<i>Этнографический отдел в период концептуального завоевания</i>	264
<i>Юбилей революции и кампания по советизации музеев</i>	272
<i>«Народы СССР» в «год великого перелома»</i>	281
<i>Из посетителей в активисты</i>	290
<i>«Народы СССР» на пути к социализму</i>	295
<i>Проблема развитых народностей</i>	303

Часть III. *Нацистская угроза и ускорение большевистской революции*

Глава 6. Поддерживаемое государством развитие и борьба против немецкого биологического детерминизма	312
<i>Советская прикладная наука в 1920-х годах: идеализированная «немецкая модель»</i>	315
<i>Определение расы и культуры</i>	320
<i>Прикладная наука и изучение расы и культуры</i>	323
<i>Этнография и антропология в годы «великого перелома»</i>	329
<i>Проверка теоретических основ советского проекта</i>	338
<i>Врожденное, приобретенное и культурная революция</i>	345
<i>Создание советского расоведения</i>	351
<i>«Закон стадийности»</i>	355
Глава 7. Этнографическое знание и террор	363
<i>Ускорение хода поддерживаемого государством развития</i>	367
<i>Самоидентификация на фоне нацизма</i>	372
<i>Список 1937 года</i>	376
<i>Этнографы и статистики во время террора</i>	379
<i>Урезание списка</i>	382
<i>Самоидентификация и новые паспортные директивы</i>	390
<i>Национальность и гражданство</i>	396
<i>К окончательному списку национальностей</i>	403
Эпилог	411
<i>Советизация общественных наук</i>	415
<i>Переписные списки и путь в коммунистическое будущее 1989, 1991 и после</i>	424
430	430
Приложения	434
Библиография	446
Указатель имен	467

ВВЕДЕНИЕ

В Новое время возникла такая история, какой прежде никогда не было. Отныне она уже не состояла из деяний и эволюций людей и не повествовала о событиях, влияющих на жизни людей; она стала рукотворным процессом, единственным всеохватным процессом, обязанным своим существованием исключительно людскому разуму.

Ханна Арендт. Между прошлым и будущим. 1968¹

1991-й был годом необыкновенных событий — таких, как коллапс и распад Советского Союза и официальное завершение холодной войны. Геополитическая карта Европы и Азии изменилась стремительно и радикально. Западные наблюдатели с трепетом, тревогой и недоумением смотрели на подъем национальных движений, возникновение межнациональных конфликтов и формирование новых национальных государств на территории бывшего СССР. Многие политики, журналисты и ученые, привыкшие воспринимать Советское государство как монолит и мысленно отождествлять «русских» и «советских», спрашивали: «Откуда взялись все эти нации? Что за государство был Советский Союз? В чем вообще состояла суть советского социалистического эксперимента?» Когда в 1994 году я впервые ступила под своды архивов бывшего СССР и начала исследовать институциональные, политические, социальные и научные процессы, сформировавшие Советский Союз, я задавалась, в частности, и такими вопросами. Именно вокруг них выстроена эта книга.

¹ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. Д. Ароносона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 88. — Прим. пер.

Сейчас, наверное, сложно вспомнить, насколько поражены были люди распадом Советского Союза по национальным границам в 1991 году. Но даже самые проникательные из тех, кто наблюдал за происходившим в СССР, были шокированы, и не без оснований. Десятилетиями национальные конфликты и национальные противоречия внутри Советского Союза оставались белым пятном истории. На протяжении холодной войны большинство западных историков СССР уделяли основное внимание России и русским. Строго говоря, и в те годы на Западе вышло несколько блестящих монографий о нерусских народах СССР, а после советского вторжения в Афганистан европейские и американские ученые написали много важных работ об исламе при коммунистическом режиме¹. Однако такие работы создавали свои собственные области исследования за пределами мейнстрима и не были интегрированы ни в один из конкурирующих «главных нарративов» о большевистской революции. Кроме того, эти работы отражали общие предрассудки своего времени. Во многих из них нерусские национальности изображались как беспомощные жертвы «советско-русского» правления и узники советской «тюрьмы народов», неприятели к революции. В большинстве работ применялся подход «сверху вниз» и не уделялось

¹ См., например: *Vakar N.P.* *Belorussia: The Making of a Nation, a Case Study*. Cambridge, MA, 1956; *Reshetar I.S.* *The Ukrainian Revolution, 1917-1920: A Study in Nationalism*. Princeton, 1952; *Senn A.* *The Great Powers: Lithuania and the Vilna Question, 1920-1921*. Leiden, 1966; *Borys J.* *The Sovietization of Ukraine, 1917-1923: The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination*. Edmonton, 1980; *Rakowska-Harmstone T.* *Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan*. Baltimore, 1970; *Marsell G.J.* *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929*. Princeton, 1974; *Bennigsen A., Lemerle-Quehquejay C.* *Islam in the Soviet Union*. London, 1967; *Bennigsen A., Wimibush S.E.* *Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World*. Chicago, 1979; *Bennigsen A., Broxup M.* *The Islamic Threat to the Soviet State*. London, 1983. Некоторые из самых информативных работ о советском подходе к национальному вопросу были написаны до начала холодной войны. См., например: *Kohn H.* *Nationalism in the Soviet Union*. New York, 1933; *Janowsky O.J.* *Nationalities and National Minorities*. New York, 1945.

внимания сложной природе интересов и конфликтов локального уровня¹.

Как можно объяснить это смешение «русского» и «советского»? В чем причина относительно слабого интереса большинства западных ученых к нерусским национальностям СССР в период холодной войны? До некоторой степени эта ориентация на «Россию» отражала практические соображения. Ученым было довольно сложно получить доступ к архивам Москвы и Ленинграда и практически невозможно — к архивам национальных республик. Но еще важнее, что эта ориентация вытекала из восприятия СССР сквозь призму холодной войны. Из-за участия СССР и США в конфликтах по всему миру западные наблюдатели привыкли воспринимать «советских» как единое целое, диаметрально противоположное «американцам». Советское руководство, со своей стороны, поддерживало эту точку зрения, провозглашая существование единого «советского народа»².

Конец советского режима привел к значительному сдвигу парадигмы. На руинах советского колосса выросли новые национальные государства, и в связи с этим появились новые работы, содержавшие тезис, который был в то время спорным и оригинальным, — что советский режим сознательно «создавал» территориальные нации. Согласно одной из этих работ, большевики проводили политику «компенсаторного нациестроительства», активно «создавая» многие из этих национальностей (например, узбеков и белорусов), которые затем провозгласили независимость на фоне экономического и политического коллапса СССР³. Тем временем, пока западные ученые писали

¹ В этом отношении многие авторы следовали подходу «тоталитарной школы», господствовавшей в период холодной войны. См. работу, которая в большой степени ориентируется на тоталитарную школу, но также детально описывает интересы местного уровня: Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Rev. ed. Cambridge, MA, 1997. Работа Пайпса была впервые опубликована в 1954 году.

² См., например: Шенников Д. Т. *Великий советский народ*. М., 1947; Шершобитов В. П. *Советский народ: монолитная общность строителей коммунизма*. М., 1976.

³ Sleekins Yu. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. См. также: Suty R. G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the*

о неожиданно «прогрессивном» характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации, приветствуя гибель коммунистической империи, насильственно подчинившей нерусских воле Москвы¹. Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и «разрушителя наций»².

Collapsе of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge, 1996; *Fowkes B. The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism*. New York, 1997; *Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–23*. Houndmill, UK, 1999; *Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. by K. and O. Forster*. Boulder, 1991. Работа Симопа впервые вышла на немецком языке в 1986 году, до коллапса СССР. Некоторые авторы, например Сунц, объясняли коллапс СССР национальным вопросом. Другие не утверждали существования такой причинно-следственной связи. На большинстве этих работ сказались влияние книг 1980–1990-х годов, в которых обсуждалось «копструирование» современных наций: *Gellner E. Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983 [русский перевод: Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. Т. В. Бурдяковой, М. К. Тюпкиной; ред. и послесл. И. И. Крутинка. М.: Прогресс, 1991. — Прим. пер.]; *Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990 [русский перевод: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. — Прим. пер.]; *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London, 1991 [русский перевод: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаева; ред. и вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. — Прим. пер.]. Авторы этих работ писали с марксистской точки зрения (идея, как Геллнер, держа в уме советский образец). Подобно Марксу и большевикам, они воспринимали «нацию» как продукт эпохи капитализма, развившийся в связи с индустриализацией, распространением печатной культуры и т. д.

¹ См., например: *Velychenko S. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development // Ab Imperio*. 2002. No. 1. P. 323–367. Вельченко пишет, что в 1991 году «восемь из тринадцати политических партий Украины в своих программах называли свою страну эксплуатируемой». Он также обсуждает украинский учебник 1995 года, в котором «Советская Украина отдельно описывалась как колония, а ее партийная организация — как колониальная администрация, служащая интересам «оккупационного режима»». См. также: *Масов Р. М. История топорного раздела. Душанбе, 1992*. Он же. Таджикистан: история с трифтом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.

² В частности, они опирались на работы британских ученых, писавших в то время, когда Британская империя сама испытывала болезненный процесс